

**ПИСЬМО САМАРСКОГО «КОНСУЛА» ПРЕМЬЕР-
МИНИСТРУ ФРАНЦИИ О СОБЫТИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ: ДОЛГ ГРАЖДАНИНА И ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС***

Юлия Галкина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**A LETTER FROM THE SAMARA “CONSUL” TO THE PRIME
MINISTER OF FRANCE ABOUT THE EVENTS OF THE
CIVIL WAR: A CITIZEN’S DUTY AND SELF-INTEREST**

Yulia Galkina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The letter by French “consul” Jeannot proposed to the reader highlights the participation of French military and diplomatic representatives in the Civil War in the Volga Region in 1918. Soviet historiography considers Jeannot one of the key figures who caused the situation in the Czechoslovak Corps in the spring of 1918 to destabilise; however, information about him is scarce. This letter highlights the role of Jeannot in events related to the mutiny of the Czechoslovak legion and demonstrates his motivation and understanding of events in Russia between 1914 and 1918. The letter dates from September 1919 and is addressed to Georges Clemenceau, president of the Council of Ministers of France. According to the document, Jeannot wanted compensation for the financial costs that he had incurred during his mission in Russia and aspired to demonstrate his usefulness and competence in the “Russian question” to the officials of the Third Republic. The document touches upon the financial side of French anti-Soviet actions in the Volga Region and French speculation in the Russian domestic market in 1918.

* *Citation:* Galkina, Yu. (2021). A Letter from the Samara “Consul” to the Prime Minister of France about the Events of the Civil War: A Citizen’s Duty and Self-Interest. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 297–308. DOI 10.15826/qr.2021.1.580.

Цитирование: Galkina Yu. A Letter from the Samara “Consul” to the Prime Minister of France about the Events of the Civil War: A Citizen’s Duty and Self-Interest // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 297–308. DOI 10.15826/qr.2021.1.580 / Галкина Ю. Письмо самарского «консула» премьер-министру Франции о событиях Гражданской войны: долг гражданина и личный интерес // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 297–308. DOI 10.15826/qr.2021.1.580.

Jeannot's letter is kept in the fund of the Second Bureau of the General Staff of France of the Historical Service of the French Ministry of Defense (Service Historique de la Défense).

Keywords: Czechoslovak Legion, allied intervention in Russia, Jeannot, First World War, French-Russian relations

Письмо французского «консула» Жанно освещает проблему участия военных и дипломатических представителей Франции в событиях Гражданской войны в русском Поволжье в 1918 г. Хотя фигура Жанно рассматривается исследователями в качестве одной из ключевых, оказавших влияние на дестабилизацию обстановки в Чехословацком корпусе весной 1918 г., его личность остается малоизученной. Письмо, датированное сентябрем 1919 г., раскрывает роль «консула» Жанно в событиях, связанных с выступлением Чехословацкого корпуса, и демонстрирует его личную мотивацию и понимание происходившего в России. Адресатом послания является премьер-министр Франции Жорж Клемансо: по всей видимости, Л. Жанно стремился как компенсировать финансовые издержки, которые он понес в ходе миссии в России, так и продемонстрировать одному из первых лиц Третьей Республики свою полезность, возможность «вернуться в строй». В документе затронуты сюжеты, связанные с финансированием французских антисоветских акций в Поволжье, спекуляции французов на русском внутреннем рынке в 1918 г. Публикуемый впервые документ содержится в фонде 2 Бюро Генштаба Франции (7N) Исторической службы Министерства обороны Франции (Service historique de la Défense).

Ключевые слова: Чехословацкий армейский корпус, межсоюзническая интервенция в России, Люсьен Жанно, Первая мировая война, франко-русские отношения

История Чехословацкого армейского корпуса, в особенности сюжет, связанный с эскалацией его вооруженного противостояния с большевиками в мае 1918 г., широко освещены в историографии. Дискуссионным остается вопрос подготовки выступления чехословаков. Советская историография возлагала ответственность за создание напряженной обстановки в корпусе на французов, англичан, американцев, считавшихся агентами Антанты. Вопросы вызывал как сам факт участия представителей бывших союзных держав в подготовке «мятежа», так и поиск «подстрекателей» национальных частей к выступлению. Одним из агентов, дестабилизировавших обстановку в Поволжье, стал самарский «консул» Жанно. В работах советских исследователей сложился слабо детализированный образ «французского консула». Отмечались его сотрудничество с Комучем, координация деятельности левых и правых эсеров, кадетов. К контрреволюционерам он обращался

от лица французского правительства с подачи посла Ж. Нуланса [Ликвидация левоэсеровского мятежа, с. 102; Соловьев, с. 230–232; Медведев, с. 83, 97].

О биографии Люсьена Жанно известно немного. К моменту революции он проживал в России около 20 лет (Москва, ул. Садовая-Спасская, 19), работал учителем французского языка в 4-й мужской гимназии [Вся Москва, с. 177]. В Трубниковском переулке проживал его брат Фелисьен Жанно, впоследствии ставший сотрудником французской военной миссии в России. С началом войны Л. Жанно вел активную деятельность в сфере антигерманской пропаганды, был вхож во французские дипломатические круги, а через брата имел возможность контактировать с французской миссией. Ключевыми вопросами его биографии являются обстоятельства и дата командирования в Самару. Вероятно, французский «консул» появился в Поволжье не позднее середины мая 1918 г. [Соловейчик, с. 8], по воспоминаниям штаб-офицера при военном министре Комуча И. Ильина, он был лишен одной ноги, ходил в военной форме и «производил внушительное впечатление», но, по мнению местных политических деятелей, был «большой жулик» [Скитания русского офицера, с. 288]. Беседы Жанно и Ильина характеризуют первого как человека, стремившегося решать политические вопросы, связанные с деятельностью самарских властей, местных партийных организаций. Генерал Н. Галкин, управляющий военным ведомством Комуча, называл Жанно в числе координаторов действий антибольшевистского подполья (главным образом чехов и эсеров), действовавшего якобы с ведома и согласия главы французской военной миссии в России генерала Лаверня [Воспоминания о Комуче, с. 46–47]. Предположение Галкина, что Жанно возглавлял французскую контрразведку, лишено, на наш взгляд, всяких оснований. При этом автор воспоминаний высказывал сомнение относительно подлинности телеграмм Лаверня, сообщающих о широких полномочиях «консула» в Самаре [Там же, с. 54–55].

В одном из писем сотрудник французской военной миссии Пьер Паскаль вспоминал о своей поездке в расположение Чехословацкого корпуса, совершенной вместе с майором А. Гине по указанию начальника французской миссии. П. Паскаль, несмотря на симпатии к большевикам, был уверен, что глава миссии непричастен к выступлению, напротив – Лавернь стремился выполнять «миротворческую» функцию, для чего и направил двух офицеров к чехословакам. Ответственность за конфликт в его понимании несли русские контрреволюционеры, стущавшие тучи над корпусом, спекулируя на немецкой угрозе, и представители Чешского национального совета, стремившиеся сделать корпус инструментом для свержения большевиков [Pascal, p. 169–170]. В свою очередь, один из деятелей сибирских кадетов А. Соловейчик полагал, что именно

французский «консул» Л. Жанно выступал с идеей свержения советской власти силами Чехословацкого армейского корпуса и конспиративно обращался к местной политической элите с призывом быть готовой к такому повороту событий [Соловейчик, с. 8–10]. Также П. Паскаль, стремясь (умышленно или неумышленно) отвести подозрения от генерала Лаверня, отмечал, что этими действиями контрреволюционеры в первую очередь стремились угодить послу Нулансу. Это подводит к вопросу, кто был инициатором миссии Л. Жанно.

Сюжет, связанный с деятельностью Л. Жанно, отражен в воспоминаниях премьер-министра Франции Поля Рейно (1940), который в 1919 г. находился в России при военной миссии генерала М. Жанена¹. Л. Жанно вызывал недовольство главы миссии, и Рейно было поручено «разобраться в его деле». Так, он сообщал, что «консул» был направлен в Самару генералом Лавернем. По приезду в город он убедил местных французских подданных в том, что они нуждаются в консуле, и в итоге избрался таковым. В ходе решения возникавших вопросов продовольственного снабжения Жанно прибегал к помощи сотрудников французской военной миссии в России, например, майора Гине. П. Рейно обращал внимание на роскошь, которая окружала самопровозглашенного консула, на его финансовые спекуляции, недовольство русского населения его обогащением на местных ресурсах, а также на борьбу с настоящим консулом Франции Люсьеном Комо, приехавшим в Самару в начале июня 1918 г. [Reynaud, p. 120–122]. О подлинном назначении Комо свидетельствуют как списочный состав консульского аппарата на территории России [АМАЕ. Ser. Z. Carton 607. Dos. 4. P. 42], так и телеграмма Ж. Нуланса с обсуждением его назначения [АМАЕ. Ser. Z. Carton 607. Dos. 2. P. 4].

Л. Комо¹, в свою очередь, жаловался Ж. Нулансу на активность Л. Жанно, который фактически узурпировал консульские полномочия, не давая возможности работать реальному представителю французского МИД: «Результатом является то, что мои превосходные отношения с генеральным штабом (дутовско-эсеровским) со времени возвращения господина Жанно потерпели ущерб: так, во имя своих военных надобностей он лишил меня автомобиля, предоставленного в мое распоряжение, и заявил, что консул должен заниматься только консульскими делами». С другой стороны, Комо отмечал его предприимчивость в скупке природных богатств России, в финансовых спекуляциях и трате средств на оплату вербовщиков пленных [Северная коммуна, с. 2]. Основным лейтмотивом письма стало стремление лишить «самопровозглашенного консула» его полномочий.

¹ Автор выражает благодарность кандидату исторических наук А. А. Вершинину за возможность ознакомиться с оригинальным изданием воспоминаний Поля Рейно.

По свидетельству П. Рейно, Л. Комо не удалось переиграть более удачливого соперника Л. Жанно, вследствие чего Комо вскоре отбыл в Уфу [Reynaud, p. 122]. Напрашивается вывод, что Л. Жанно, по всей видимости, был креатурой генерала Лаверня, о чем свидетельствуют источники. Вряд ли французский посол Нуланс имел намерение стравливать в Самаре двух посланников.

Денежные средства Жанно получал от Генерального консульства Франции в Москве, о чем свидетельствуют выписки о выданных сотрудникам суммах. Так, 22 июля 1918 г. консульство осуществило перевод для Жанно (с формулировкой «на покупку еды») на сумму 40 тыс. руб. [SHD/T. 8 N 17. P. 8]. Вместе с тем, некорректно было бы утверждать, что подобное свидетельство однозначно «привязывает» Жанно к МИДу, хотя аппарат МИД Франции на территории России был осведомлен о его пребывании и стоявших перед ним задачах. При этом документы (отчет главы Ведомства иностранных дел Комуча, члена ЦК ПСР М. А. Веденяпина о финансовой деятельности Комуча от 29 апреля 1919 г., дневниковые записи члена Конституционно-демократической партии А. Г. Елшина о ситуации и настроениях летом 1918 г. в Самарской партийной организации) указывают на то, что средства для содержания чехословацкой армии и формирования славянских батальонов Жанно получал от Комуча [Под знаменем Комуча, с. 264, 452]. Закономерным итогом стал арест Л. Жанно французской военной миссией. Инициатива ареста принадлежала начальнику военной миссии в Сибири генералу М. Жанену, который полагал, что «консул» серьезно портит имидж Франции в регионе.

Обращаясь к последним фундаментальным изданиям сборников документов, посвященных деятельности Чехословацкого армейского корпуса [см., например: Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус], и к событиям 1918 г. в Самаре [Под знаменем Комуча], можно констатировать недостаточную освещенность взаимодействия антибольшевистских сил с французами, наиболее активными участниками интервенции. Публикуемый документ проливает свет на проблему участия французских военных и дипломатических представителей в событиях Гражданской войны в Поволжье, проясняет сложившуюся в 1918 г. в Самаре политико-экономическую обстановку. В тексте раскрываются стереотипы мышления французов относительно революционного процесса в России.

Представленный документ содержится в фонде 2 Бюро Генштаба Франции (7N) Исторической службы Министерства обороны Франции (Service historique de la Défense) и представляет собой машинописный текст без рукописных помет. Публикация источника сопровождается комментарием и переводом, выполненными автором.

L. JEANNOT, Hotel Terminus
Ch. 355 Rue St-Lazare
à Monsieur le Président du
Conseil des Ministres

Paris, le 6 Septembre 1919

Monsieur le Président,

Le 13 Juin 1918 j'arrêtais les Tchéco-Slovaques à Samara, retenant ainsi 1.500.000 prisonniers Austro-allemands, internés dans les camps de concentration des Gouvernements d'Ouralsk, d'Orenbourg, de Samara et de Sibérie, prisonniers qui devaient être dirigés à "TRAINS FORCES" et par les voies les plus rapides sur l'Allemagne par les soins de Von Mirbach et avec la complicité des Leninn^{II} et des Trotsky, rendant, je le crois du moins, un signalé service non seulement à la France, mais encore à tous les Alliés. Or, Monsieur le Président du Conseil des Ministres, pour des raisons qui me sont inconnues encore, j'ai été retenu à Omsk par la Mission Militaire française huit mois en prévention de Conseil de guerre. L'affaire s'est terminée par un "non lieu" rendu en ma faveur comme me l'a fait savoir la cédule qui m'a été communiqué en temps et lieu par le Greffe du Conseil...

Depuis le début de la guerre je n'ai cessé de m'occuper de propagande et au mois de mai 1915 je faisais le voyage Moscou-Paris, à mes frais, – et venais demander au Ministère des Affaires Etrangères de vouloir bien m'aider dans l'oeuvre que j'avais entreprise, – à mes frais aussi, – oeuvre dans laquelle j'ai été aide par Monsieur Engelhardt alors Consul Général à Moscou. A l'office de propagande de la rue Edouard VII où j'avais été envoyé, il me fut répondu "De la propagande dans un pays allié, mais vous n'y pensez pas!" Désolé, mais non désespéré, je revenais à Moscou conter "mon insuccès" à Monsieur le Consul Général et mes amis et moi avons continué livrés à nos seules ressources. Nous avons continué avec d'autant plus d'énergie que nous savions fort bien à quoi nous en tenir sur les menées allemandes en Russie: Nous savions fort bien que la Russie ne tiendrait pas jusqu'au bout car nous savions fort bien que l'Allemagne consacrait des sommes considérables pour provoquer la Révolution, nous savions fort bien que la Révolution de 1905 n'avait été qu'un essai de mobilisation des forces boches en Russie. Nous avons lutté avec d'autant plus d'acharnement contre l'emprise allemande que chacun de nous avait au front qui un fils, qui un père, qui un frère, qui un parent, qui un ami. Pour ma part j'avais cinq frères au front. L'un a été tué sur sa pièce, l'autre est mort des suites de ses blessures, le troisième a été amputé de la jambe droite et cité à l'ordre du jour, voici la citation. <...>

Mon cousin germain, le Sous-Lieutenant Henri Durel était tué le 18 Mai 1917 au Chemin des Dames à l'Epine de Chevrier. Dans l'Aisne mon autre Cousin Germain Josef Durel, Sous-Lieutenant était nommé Capitaine et décoré de la Légion d'Honneur, il est aujourd'hui au Ministère des Inventions. Enfin, Monsieur le Président du Conseil, mon frère Edouard a été blessé et mon autre frère, Félicien Jeannot qui faisait partie de la Mission Lavergne, est actuellement en prison à Moscou plus mal traité que les autres parce qu'il est mon frère et que ma tête est mise à prix par les Bolcheviks 500.000 Roubles. Ma femme et ma petite fille sont je ne sais où en Russie; j'en suis sans nouvelles depuis dix-huit mois. Et, Monsieur le Président du Conseil, en votre âme et conscience^{III}, je vous demande, si en arrêtant les Tchèques à Samara, j'ai pris en considération mes intérêts personnels? Etait-il de mon intérêt personnel de risquer et ma situation que j'ai

perdue et ma vie et celle de mes parents? <...> Je n'ai aucun mérite à avoir fait ce que j'ai fait, et, si j'avais à le faire je le ferais encore sans hésitation aucune. L'officier rapporteur m'a reproché toutes sortes de choses auxquelles je ne comprends absolument rien. Entre autres il m'a reproché une opération sur les grains ayant pour but de faire baisser le prix de la farine. J'y suis parvenu, et du jour au lendemain, je faisais tomber à Samara les prix du poud de farine de 85.00 et 75 roubles à 25,23 et 22 roubles. La majeure partie des bénéficiaires a été employée à faire de la propagande dans les camps de prisonniers pour le recrutement des Tchèques, des Roumains, etc... J'étais isolé de tout et de tous, et il me fallait bien trouver des ressources pour soutenir le mouvement. Je les ai trouvées sans qu'il en coûte en sou à la France. Au reste j'ai fait cette opération avec l'assentiment des Autorités Militaires Françaises elles-mêmes et je crois la remarque de Monsieur l'Officier Rapporteur assez peu fondée puisque la Mission Militaire elle-même ayant besoin de roubles mettait par voie d'annonces 100.000 Francs aux enchères dans les Journaux d'Omsk. Et qui songerait à l'en blâmer? – A situation extraordinaire, mesures extraordinaires. Il fut un moment où il a été très difficile de se procurer de l'argent en Russie. Ceci est tellement vrai que le Capitaine Bordes étant envoyé en mission par le Général Lavergne et ayant réussi au péril de sa vie à traverser les lignes bolcheviques arrivait à Samara sinon léger d'espoir mais tout au moins léger d'argent et me demandait 100.000 roubles pour les besoins de la Mission de Kasann. J'avancai les 100.000 roubles: ils furent remis au Sergent Gourdin qui m'en donna reçu, et qui les remit au Capitaine Bordes au mois d'Août 1918. Au reste Monsieur le Sous-Intendant Militaire Fave attaché à la Mission Militaire en Sibérie étant alors à Omsk me pria dans sa lettre du 26 Mars 1919 de passer à son bureau le 29 du même mois à 10 heures du matin pour y recevoir une communication au sujet d'une créance me concernant et m'avisa qu'en épurant les comptes du Capitaine Bordes ce dernier reconnaissant avoir reçu les 100.000 Roubles en question, et, Monsieur le Sous-Intendant FAVE ajoutait que, pour rentrer en possession de la somme par moi avancée, j'eusse à faire une demande au Département. Or, Monsieur le Président du Conseil, cette demande n'a pas encore été faite. Je vous prierais donc de bien vouloir donner les ordres nécessaires pour que ma créance me soit remboursée par le Ministère de la Guerre au cours du mois d'Août 1918, c'est-à-dire, au cours de un franc dix. Le reçu du Sergent Gourdin est en possession de la Mission Militaire Française ou il doit du moins y être, car, dans cette affaire qui est la mienne tout s'est fait illégalement: malgré mes protestations répétées dans le wagon que j'habitais, procès-verbal des pièces saisies n'a pas été dressé par plus que l'inventaire d'objets m'appartenant. De plus j'ai été jeté à la porte du wagon en question avec des réfugiés de Samara par 30 degrés Reaumur au dessous de zéro et nous aurions péri de froid^{IV} et de faim, un gîte étant presque impossible à trouver à Omsk vu l'affluence des réfugiés, si des paysans russes qui ont eu pitié de nous ne nous avaient recueillis. Pour ma part, j'ai eu la jambe qui me reste gelée. Mais, Monsieur le Président du Conseil, je le répète, je ne me plains pas. D'autres ont été beaucoup plus éprouvés que moi. Je me croirais amplement récompensé si, vous vouliez bien m'entendre car, ayant habité la Russie pendant vingt-deux ans et m'étant donné la peine d'étudier la mentalité russe et les transformations de cette mentalité sous l'influence allemande, il y a apparence que je sois au courant de ce que nous préparent les Soviets. Je reviens d'Omsk très documenté, ayant beaucoup vu et beaucoup entendu, pendant les huit mois que j'y suis resté – à quelque chose malheur est bon, – j'ai été en relations avec nombre de personnes

connues: Avcentiew, Lébédiew, Alecéiew, Broussilow, Doutow, Volsky, Tchernow, et...
bien d'autres.

Sollicité par les journaux dont je suis correspondant de leur envoyer des articles, sollicité par certains groupes de faire une série de conférences, j'hésite à le faire, étant de retour depuis peu et, par conséquent, ignorant de l'esprit qui règne en France. Estimant de plus que l'union sacrée qui fit notre force est à l'ordre du jour plus que jamais, étant des convaincus qui croient que par la Russie la guerre continue avec l'Allemagne et peut prendre plus tôt qu'on pense d'autres proportions que la lutte qui vient à peine de finir, pour ces motifs, avant que d'entreprendre quoi que ce soit, j'ai l'honneur de vous prier de vouloir bien m'accorder quelques instants d'entretien. En vous demandant une telle faveur je ne crois pas vous faire perdre un temps précieux pour la France.

Je vous prie, Monsieur le Président du Conseil, de vouloir bien agréer l'expression de mon admiration, les saluts respectueux d'un homme qui, s'il sert moins bien son pays que vous, l'aime avec autant de passion que vous.

Signé: Jeannot

[Service historique de la Défense (Terre). 7 N 762. P. 1-5].

Машинопись. Копия.

Перевод

Л. Жанно, отель Терминюс
Комната 355, Улица Сен-Лазар
Г-ну Председателю Совета министров

Париж, 6 сентября 1919

Господин Председатель!

13 июня 1918 года я остановил чехословаков в Самаре, задержав тем самым 1.500.000 австро-германских пленных, интернированных в концлагеря властями Уральска, Оренбурга, Самары и Сибири, пленных, которые должны были отправиться кратчайшими путями в скорых поездах в Германию заботами фон Мирбаха с согласия Ленина и Троцкого, я оказал большую услугу, по крайней мере, я так считаю, не только Франции, но всем союзникам. Однако, господин председатель Совета министров, по причинам, которые мне пока не известны, я был задержан в Омске французской военной миссией [и провел] восемь месяцев в предварительном заключении [по решению] военного трибунала. Дело закончилось в мою пользу «за отсутствием состава преступления», что мне и было сообщено постановлением, врученным впоследствии канцелярией Совета.

С начала войны я непрерывно занимался пропагандой, а в мае 1915 года за свой счет совершил поездку Москва – Париж и обратно в Министерство иностранных дел за поддержкой в моей работе, которую я предпринял тоже за свой счет, – работе, в которой меня поддерживал г-н Энгельгардт, тогда генеральный консул в Москве^V... В бюро пропаганды на ул. Эдуарда VII^{VI}, куда я был направлен, мне сказали: «Пропаганда в союзной стране? И не думайте

об этом!» Огорченный, но не отчаявшийся, я вернулся в Москву рассказать о своей неудаче г-ну генеральному консулу, моим друзьям, и мне пришлось и впредь рассчитывать только на собственные ресурсы. Мы продолжили с тем большей энергией, поскольку вполне отчетливо понимали, что делать с немецкой пропагандой в России: мы очень хорошо понимали, что Россия не продержится до конца, ибо прекрасно знали, что Германия выделила значительные суммы, чтобы спровоцировать революцию, мы хорошо знали, что революция 1905 года была не более, чем попыткой мобилизации сил бошей в России. Мы с большим ожесточением боролись против немецкого влияния, поскольку у каждого из нас на фронте был или сын, или отец, или брат, или родственник, или друг. У меня на фронте было пять братьев. Один был убит при своем оружии, другой умер от ран, третьему ампутировали правую ногу и отметили в приказе, вот выдержка. <...>

Мой двоюродный брат су-лейтенант Анри Дюрель был убит 18 мая 1917 года на Шмен-де-Дам у высоты Epine de Chevigny^{VII}. На Эне другой мой двоюродный брат Жозеф Дюрель, су-лейтенант, был произведен в капитаны и возведен в степень кавалера Ордена Почетного легиона, сегодня он в Министерстве науки. Наконец, господин председатель, мой брат Эдуард был ранен, а другой брат Фелисьен Жанно, состоявший в миссии Лаверня^{VIII}, сидит в настоящее время в московской тюрьме, и с ним обращаются хуже, чем с другими, поскольку он мой брат^{IX}, а моя голова оценена большевиками в 500 000 рублей. Моя жена вместе с маленькой дочерью находятся неизвестно где в России^X, у меня нет от них известий уже 18 месяцев. Однако, господин председатель, скажите мне откровенно, принимал ли я во внимание свои личные интересы, останавливая чехов в Самаре? В моих ли личных интересах было рисковать собственным положением, которое я утратил, своей жизнью и жизнью своих родных?.. Я ничего не заслужил, сделав то, что я сделал, но, если бы пришлось делать это снова, я сделал бы без малейшего колебания. Офицер, проводивший дознание, упрекал меня в самых разных вещах, в которых я не понимаю абсолютно ничего. Среди прочего он вменил мне в вину операцию с зерном, целью которой было понижение цены на муку. Я в этом преуспел и мгновенно добился падения в Самаре цены за пуд муки с 85,80 и 75 рублей до 25,23 и 22 рублей. Большая часть прибыли была использована для ведения пропаганды в лагерях военнопленных с целью рекрутирования чехов, румын и др... Я был изолирован от всего и вся, и мне очень надо было добыть ресурсы для поддержания действий. Таким образом, я их добыл, и это ни гроша не стоило Франции. Впрочем, я провел эту операцию с одобрения тех же французских военных властей и считаю обвинение г-на офицера довольно слабо обоснованным, поскольку сама военная миссия, имея потребность в рублях, выставила на торги 100 000 франков путем объявлений в омских газетах. И кто подумал бы ее за это осуждать? В чрезвычайной ситуации – чрезвычайные меры. Был момент, когда было очень трудно добыть деньги в России. Это исключительно верно, например, капитан Борд^{XI}, отправленный на задание генералом Лавернем и сумевший с риском для жизни пересечь большевистские фронты, прибыл в Самару если не утратив надежду, то, по крайней мере, истратив деньги, и просил у меня 100 000 рублей на нужды миссии в Казани. Я выделил 100 000 рублей, они были переданы сержанту

Гурдену^{xii}, который дал мне в том расписку и передал их капитану Борду в августе 1918 года. Впрочем, г-н су-интендант Фав, прикомандированный к военной миссии в Сибири, будучи тогда в Омске, просил меня в письме от 26 марта 1919 года прибыть в его бюро 29 числа того же месяца в 10 утра для получения извещения по поводу касающегося меня долгового обязательства и сообщил мне, что при закрытии счетов капитана Борда последний признал, что получил упомянутые 100 000 рублей, кроме того, Фав добавил: чтобы снова завладеть выделенной мною суммой, мне надо сделать запрос в департамент. Однако, господин председатель, этот запрос до сих пор не сделан. Я же просил бы вас благоволить сделать необходимые распоряжения, чтобы моя ссуда была мне возмещена Военным министерством по курсу августа 1918 года, иначе говоря – по курсу франка 1 : 10. Долговая расписка сержанта Гурдена находится, по крайней мере должна находиться, во французской военной миссии, ибо в таком деле как мое все делалось незаконно: несмотря на многочисленные протесты, мне не разрешалось присутствовать при обысках, производившихся в вагоне, где я проживал, протокол изъятых вещей не составлялся, равно как и опись принадлежащих мне вещей. Более того, я был выброшен за дверь упомянутого вагона вместе с беженцами из Самары при 30 градусах ниже нуля по Реомюру, нам пришлось претерпевать холод и голод, поскольку в Омске было почти невозможно найти жилье из-за наплыва беженцев, если бы русские крестьяне не пожалели и не приютили бы нас. У меня была обморожена нога. Но, господин председатель, повторяю, я не жалуясь. Другие претерпели больше меня. Я хотел бы простой компенсации, если вы благоволите меня выслушать, так как, прожив в России 22 года и дав себе труд изучить русский менталитет и трансформации этого менталитета под немецким влиянием, я, очевидно, в курсе того, что готовят нам Советы. Я вернулся из Омска, вооруженный документами, многое повидал и многое слышал в течение восьми месяцев, которые я там провел, – несчастье является своего рода благом – я встречался с множеством известных персон: Авксентьевым, Лебедевым, Алексеевым, Брусиловым, Дутовым, Вольским, Черновым и... многими другими.

Настойчиво склоняемый газетами, корреспондентом которых я являюсь, написать для них статьи, побуждаемый некоторыми сообществами сделать серию докладов, я колеблюсь, так как вернулся недавно и, как следствие, не знаю настроений, которые царят во Франции. К тому же, полагая, что священный союз, создавший нашу силу, более, чем когда-либо, актуален, придерживаясь убеждений, что через Россию продолжается война с Германией, и она может принять иные, чем многие думают, масштабы, нежели битва, которая закончилась совсем недавно, по этим мотивам, прежде чем предпринимать что бы то ни было, я имею честь просить вас соблагволить уделить мне несколько мгновений встречи. Испрашивая вас об этой милости, я не считаю, что заставляю вас терять драгоценное для Франции время.

Прошу вас, господин председатель, принять поклоны с выражением искреннего восхищения от человека, который, если и служит своей стране менее усердно, чем вы, во всяком случае, любит ее так же горячо, как и вы.

Подписано: Жанно

Примечания

^I Люсьен Гастон Селестен Комо (Lucien Gaston Célestin Caumeau, род. 7 июня 1888 г.) – французский дипломат. До назначения в Россию работал в посольствах Франции в Болгарии, Румынии, Турции. В марте 1917 г. – в Генеральном консульстве Франции в Москве. С июня по ноябрь 1918 г. пребывал в Самаре в качестве консула. После заключения Компьенского перемирия переведен в Уфу. Оставался в Сибири до 16 декабря 1919 г.

^{II} Так в тексте.

^{III} Так в тексте.

^{IV} Так в тексте.

^V Имеется в виду генеральный консул Франции в Москве Густав Энгельгардт, работавший в России с 1913 г. до вступления в должность генконсула Фернана Гренара 31 декабря 1917 г.

^{VI} На улице Эдуарда VII, д. 2 располагалась служба пропаганды МИД Франции, которая образовалась в 1915 г. усилиями министра иностранных дел Т. Делькассе.

^{VII} В тексте источника указано «l'Erine de Chevrièr», что является неточностью. Erine de Chevrièr – высота, расположенная к северу от коммуны Брей-ан-Ланнуа, битва за нее являлась одним из ключевых моментов сражения на Шмен-де-Дам.

^{VIII} Жан-Франсуа Анри Мари Гийом Лавернь (Jean-François-Henri-Marie-Guillaume Lavergne) – начальник французской военной миссии в России с марта 1918 г. (сменил на посту главу миссии генерала Анри Нисселя, покинувшего страну после заключения Брестского мира).

^{IX} Фелисьен Жанно (Félicien Jeannot) – сотрудник французской военной миссии в России (Москва) в звании аджудана. Был арестован большевиками 24 октября 1918 г. По свидетельству руководителя французской военной миссии в Москве майора Шапуйи, Ф. Жанно был подвергнут аресту потому, что его «энергичная позиция и твердые убеждения были замечены большевиками». 11 ноября 1918 г. Жанно был выпущен на свободу, однако 24 ноября снова арестован при подготовке к бегству (вместе с лейтенантом Иллиаке) и заключен в тюрьму «за ведение антибольшевистской пропаганды среди рядового состава миссии». Освобожден в феврале 1919 г. [SHD/T, 6 N 220].

^X Имеется в виду Анна-Эмма Жанно. Супруга Л. Жанно была вывезена сотрудником генерала Лаверня капитаном Бордом из Самары в Москву весной 1918 г. [Bradley, p. 145].

^{XI} Этьен Борд (Etienne Bordes) – бывший сотрудник французской военной миссии в Румынии (начальник – генерал Анри Бертело). По указанию генерала Бертело был направлен в качестве курьера в Новочеркасск для передачи денежных средств белогвардейцам. По свидетельству сотрудника французской военной миссии Пьера Паскаля, «приехал с юга, где организовывал эвакуацию некоторых материалов с Запада на Восток и осуществлял уничтожение произведений искусства. В Москве он продолжает работу по уничтожению, но уже не против немцев, а против большевиков. Действует независимо от миссии и службы разведки. Рекрутирует среди контрреволюционных элементов. В его банде человек 20, в том числе брат. Ему можно приписать поджог Рязанского вокзала и других вокзалов» [Паскаль, с. 514].

^{XII} Гурден (Gourdin) – бывший сотрудник французской военной миссии в Румынии, по свидетельству Пьера Паскаля, «этот Гурден хвалится, что подготовил три покушения на Ленина... <...> В миссии существовал склад гранат и револьверов. Гурден брал время от времени вечером эти гранаты и объявлял, что идет делать хорошую работу» [Паскаль, с. 514–515].

Список литературы

Воспоминания о Кочуче и Народной армии Н. А. Галкина // Боевой восемнадцатый год : сб. док. и воспоминаний / под ред. Я. В. Леонтьева. М. : Рус. книга, 2018. С. 44–100.

Вся Москва : адресная и справочная книга на 1917-й год. М. : Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1917. 746 с.

Ликвидация левоэсеровского мятежа в Москве в 1918 г. // Красный архив. 1940. Т. 101. С. 101–121.

Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. 352 с.

Паскаль П. Русский дневник (1916–1918). Екатеринбург : Гонзо, 2014. 592 с.

- Под знаменем Комуча : (Самарский край, июнь – октябрь 1918 г.) : сб. док. и материалов. Самара : Книж. изд-во, 2018. 584 с.
- Северная коммуна. 1918. № 89.
- Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М. : Рус. путь, 2016. 480 с.
- Соловейчик А. С. Борьба за возрождение России на Востоке : Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 г. Ростов н/Д : [Б. и], 1919. 61 с.
- Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники. М. : Мысль, 1968. 327 с.
- Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920 : Документы и материалы : в 2 т. 1918–1920 гг. М. : Кучково поле, 2018. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1024 с.
- АМАЕ. Ser. Z. Carton 607. Dos. 2, 4.
- Bradley J. F. N. The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks // *Soviet Studies*. Vol. 15. 1963. № 2. P. 124–151.
- Pascal P. En communisme. Mon journal de Russie 1918–1921. Lausanne : L'Âge d'Homme, 1977. 226 p.
- Reynaud P. Mémoires. Venu de ma montagne. Paris : Flammarion, 1960. 506 p.
- SHD/T. 6 N 220. 7 N 762. 8 N 17.

References

- АМАЕ. Ser. Z, Carton 607. Dos. 2, 4.
- Bradley, J. F. N. (1963). The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks. In *Soviet Studies*. Vol. 15. No. 2, pp. 124–151.
- Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy v 2 t. [The Czechoslovak Army Corps. 1914–1920. Documents and Materials. 2 Vols.]. (2018). Moscow, Kuchkovo pole. Vol. 2. Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaya voina v Rossii. 1024 p.
- Likvidatsiya levoeserovskogo myatezha v Moskve v 1918 g. [The Liquidation of the Left Social Revolutionary Rebellion in Moscow in 1918]. (1940). In *Krasnyi arkhiv*. Vol. 101, pp. 101–121.
- Medvedev, E. I. (1974). *Grazhdanskaya voina v Srednem Povolzh'e (1918–1919 gg.)*. [The Civil War in the Middle Volga Region (1918–1919)]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 352 p.
- Pascal, P. (1977). *En communisme. Mon journal de Russie 1918–1921*. Lausanne, L'Âge d'Homme. 226 p.
- Pascal, P. (2014). *Russkii dnevnik (1916–1918)* [Mon journal de Russie (1916–1918)]. Yekaterinburg, Gonzo. 592 p.
- Pod znamenem Komucha (Samarskii krai, iyun' – oktyabr' 1918 g.). *Sbornik dokumentov i materialov* [Under the Banner of Komuch (Samara Region, June – October 1918). Collection of Documents and Materials]. (2018). Samara, Knizhnoe izdatel'stvo. 584 p.
- Reynaud, P. (1960). *Mémoires. Venu de ma montagne*. Paris, Flammarion. 506 p.
- Severnaya kommuna [Severnaya Kommuna]. (1918). No. 89.
- SHD/T. 6 N 220. 7 N 762. 8 N 17.
- Skitaniya russkogo ofitsera: dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920 [The Wanderings of a Russian Officer: Iosif Ilyin's Diary. 1914–1920]. (2016). Moscow, Russkii put'. 480 p.
- Soloveichik, A. S. (1919). *Bor'ba za vrozhdzenie Rossii na Vostoke. Povolzh'e, Ural i Sibir' v 1918 g.* [The Struggle for the Revival of Russia in the East. The Volga Region, the Urals and Siberia in 1918]. Rostov-on-Don, S. n. 61 p.
- Solov'ev, O. F. (1968). *Velikii Oktyabr' i ego protivniki* [Great October and Its Adversaries]. Moscow, Mysl'. 327 p.
- Vospominaniya o Komuche i Narodnoi armii N. A. Galkina [N. A. Galkin's Memoires about Komuch and the People's Army]. (2018). In Leont'ev, Ya. V. (Ed.). *Boevoi vosemnadsatyi god. Sbornik dokumentov i vospominanii*. Moscow, Russkaya kniga, pp. 44–100.
- Vsya Moskva. *Adresnaya i spravoch'naya kniga na 1917-i god* [All-Moscow. Address and Reference Book for 1917]. (1917). Moscow, Tovarishchestvo A. S. Suvorina "Novoe vremya". 746 p.

The article was submitted on 09.03.2020